

ИСТОРИЯ

УДК 93/94 (430).041

А.С. Вершинин

**ГРИММЕЛЬЗГАУЗЕН И НАЖИВА: СМЕНА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ
ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТОРГОВО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СФЕРЕ
В НАЧАЛЕ XVII в.**

Анализируется степень устойчивости ценностных установок немецкого общества в сравнении с испанским обществом в период «модернизационного срыва». Исследуются причины этого явления.

Ключевые слова: установка; ценность труда; Тридцатилетняя война; симплициссимус.

Формирование отношения к таким ценностным категориям, как богатство и «честная нажива», органично связано с пониманием ценности труда. На заре Средневековья простолюдины рассматривали физическую работу как суровую необходимость, «безвыходную рутину». И.Ю. Николаева отмечает, что «известная религиозная максима “труд как наказание за грех” снимала весь комплекс мироощущений личности, медленно осваивавшей осознание необходимости труда и ощущавшей его как тяжкое бремя. Этот труд, малообеспеченный навыками хозяйствования, приносивший скудный доход, не способствовал тому, чтобы формировались устойчивая интенция и желание вкладывать себя в него. Бывший варвар очень медленно наращивал уважение к своему труду, который долгое время в условиях неразвитости рабочих навыков неизменно предполагал усталость, истощение и униженность *homo faber*» [1. С. 361]. Можно предположить, что установка уважения к труду на территории Германии накапливалась быстрее, чем в других регионах Западной Европы. Природно-климатические условия этой страны в Средние века, в сравнении, скажем, с Италией, были более суровыми. Для получения необходимого и прибавочного продукта требовалось активно развивать хозяйственные навыки. Неслучайно, что именно на почве немецкой культуры впервые (в XIII в.) формируются тексты, утверждающие иное понимание труда. В частности, в поэме «Мейер Гельмбрехт» Вернера Садовника мы находим мысль о том, что нельзя оставлять свое сословие, тяжелым, но достойным трудом добывающее для всех хлеб насущный. На высказывание сына о том, что он хочет оставить плуг и пойти в рыцари по пути крестного, старый Гельмбрехт отвечает: «Но рассуди, сынок любезный, / Кто прожил более полезно? / Прилежный пахарь или плут, / Кого ругают и клянут, / Кто на чужой беде разжился. / И против Бога ополчился? / Кто с чистой совестью живет? ...Скажи теперь скорее, / Какой из двух тебе милее. / Милее, – Гельмбрехт отвечал, – / Кто никого не огорчал, / Достойно жил на пользу людям, / И больше спорить мы не будем. / Так ты ему и подражай / И снимешь добрый урожай: / Поднимешь поле верным плугом / И наградишься по заслугам» [2. С. 24–25].

Близкое сходство между ценностями крестьянского труда, обозначенными в поэме, и проповедями одного из самых популярных авторитетов протестантской аудитории южно-немецких городов Бертольда Регенсбургского, замеченное ещё А.Я. Гуревичем [3. С. 404–

407], подтверждает высказанное предположение о раннем формировании ценности труда в ментальности «безмолвного большинства» в Германии.

Не менее простым и более длительным стало приращение установок, связанных с трудом и «честной наживой», в такой сфере деятельности, как торговля. Церковь, как пишет Ж. Ле Гофф о профессиях, связанных с торговлей, «первоначально функционируя в феодальном обществе и санкционируя его презрение к профессиям, впоследствии принимает возвышение новых слоев, часто способствует ему, очень рано начинает покровительствовать купцам, дает новым социально-профессиональным группам теоретическое и духовное оправдание их положения и повышения их общественного и психологического статуса» [4. С. 74]. Постепенно отступающая религиозная максима «Иисус изгнал торгующих из храма» преобразуется к началу Реформации в принцип «честной наживы». Учение Лютера во многом представляет религиозную санкцию этим ранее презируемыми занятиям. Совесть христианина становится мерилем его праведности, частично освободив германское купечество от средневекового груза негативных идентификаций себя с прежними социальными ценностями, касавшимися наживы.

Изменение отношения к труду и утверждение ценности «честной наживы» неизбежно привели к изменению отношения к его конечному результату – богатству. В Германии довольно рано возникает класс преуспевающих бюргеров, причем как в северной Германии в Ганзе, осваивавшей, прежде всего, Балтийскую торговлю, так и в Южной, ориентированной на торговлю со странами Европы и испанскими колониями [5. С. 14–87]. Лютеранская реформация и протестантизм как одно из её последствий выражали, прежде всего, такие социальные максимы, которые вызрели внутри немецкого общества Старой Империи. Реформация, как пишет М. Вебер, «родила такого типа богатство, которое самому предпринимателю “ничего не дает”, разве что иррациональное ощущение хорошо «исполненного долга в рамках своего призвания» [6. С. 90].

Тридцатилетняя война в начале XVII в., как всякая война, породила множество негативных социальных явлений. Затяжной её характер обнажил проблемы торгово-предпринимательской сферы германского общества. Появившиеся в результате полномасштабных военных действий многочисленные банды наемников, бесконтрольно расплывавшиеся по всей Германии, резко увеличили риски как для внутренней, так и для транзитной тор-

говли. И без того не самые выгодные экономические условия германского купечества из-за отсутствия политики протекционизма ещё более усугублялись. Доля иностранного капитала, неуклонно возрастающая со второй половины XVI в., резко увеличилась в результате прямой шведской и французской интервенции в тридцатые годы XVII в. Все эти явления не способствовали укреплению появившихся в Германии идеальных норм протестантской этики. Ослабление позиций национального капитала как внутри страны, так и за её пределами подталкивало купцов к недобросовестной конкуренции. Длительная рецессия внутринациональной торговли, продолжавшаяся почти два столетия, происходившая параллельно с вытеснением собственно немецкого капитала с внутреннего рынка, в какой-то мере свидетельствует о падении уровня доверия к собственному национальному купечеству. Как отмечает Д.А. Эпштейн, «в 1751 году в Кенигсберге насчитывалось 26 торговых фирм, занимавшихся экспортом, и все они были либо иностранного происхождения, либо пользовались иностранным капиталом» [7. С. 220].

И всё-таки важно подчеркнуть, что в отличие от испанского варианта мутации торгово-предпринимательских отношений, перетерпевших изменения в конце XVI в. [8. С. 119], в Германии из-за более развитого в сравнении с Испанией внутреннего рынка к началу XVII в. процесс деформации ценностей, связанных с добросовестной торговлей, оказался менее глубоким.

Для детального рассмотрения отличий сравним ценностные мотивировки литературных персонажей, популярных в Германии и в Испании в XVI и в XVII вв. соответственно. Для Германии это будут симплициады, описывающие похождения «простака», способного найти выход из любой ситуации, для Испании – пикарески. В качестве наиболее характерных произведений жанров сравним «Симплициссимуса» Г.Я.К. Гриммельзгаузен с «Гусманом де Альфараче» М. Алемана и «Жизнью Маркоса де Обрегона» В. Эспинеля.

Главный герой романа Гриммельзгаузен сетует, что «когда я первый раз объявился перед церковью с моим знахарством и стал предлагать свои товары, то моя торговлишка пошла из рук вон плохо, ибо был я ещё столь прост, что не пожелал пособлять ей ни языком, ни какими-либо шарлатанскими выдумками; однако ж, тотчас заметил, что надо взяться за дело иначе, ежели хочу зашибить деньгу и сбыть это дерьмо» [9. С. 244]. Он оправдывал свои действия тем, что «по всей стране шатаются столько обманщиков, что люди туго расстаются со своими денежками» [9. С. 244]. Данный пример позволяет проследить цепной эффект от недобросовестной торговли, когда действия нескольких продавцов приводят к падению уровня доверия к фигуре торговца, а как следствие – к необходимости следующему предпринимателю выставлять свой товар в максимально выгодном свете, чтобы успешно его продать, т.е. идти на умышленный подлог. Оценивая описанную Гриммельзгаузен ситуацию, в которой Симплициссимус для того, чтобы продать крестьянам товар, идет на подлог: заменяет воду водкой, опускает туда ядовитую лягушку и, засыпая в водку порошок, демонстрирует, что лягушка умерла от порошка, тем самым доказывая его действенность. Можно обнаружить удивительные сходства с современной рекламой

лекарственных средств, построенной на том же принципе. Наставление, которое дает автор в конце 8-й главы 4-й книги во многом справедливо и сегодня: «А посему, любезные крестьяне, не верьте с такой легкостью чужестранным площадным шарлатанам! А не то будете ими жестоко обмануты, ибо они заботятся не о вашем здравии, а подбираются к вашим денежкам» [9. С. 246].

Сюжеты о недобросовестных врачах и аптекарях были широко распространены и в испанских плутовских романах, но, в отличие от гриммельзгаузенского, имели принципиально иную интонацию. К примеру, Матео Алеман в романе «Гусман де Альфараче» пишет: «Все крадут, все обманывают, все ловчат, никто не хочет работать, как положено, а хуже всего, что этим еще бахвалятся. А если взять повыше, как не упомянуть аптекаря, который никогда не скажет “нет”, чтобы не повредить славе своего заведения; он заменит одну микстуру другой, подделает любое снадобье, не отпустит тебе ни одного лекарства, изготовленного честно, по правилам» [10. С. 258]. Еще один пример можно найти в романе Висента Эспинеля «Жизнь Маркоса де Обрегона»: «Бывают врачи, настолько невежественные в обращении и простой вежливости, что даже когда человек не болен, они, чтобы поднять цену своему труду и увеличить свой доход, говорят больному, что его состояние опасно, чтобы оно действительно стало таким; и хорошо, чтобы раз они считают себя слугами природы, чтобы они были ими вполне. Я не говорю о тысячах небрежностей, какие бывают в их распознавании болезней и в применении лекарств» [11. С. 512].

Как в романе Эспинеля, так и Алемана отношение к фигуре предпринимателя резко негативно, он единственный активный участник сделки. В «Симплициссимусе» же, в отличие от плутовских романов, инвективы в адрес торговцев не таят саркастического характера – Гриммельзгаузен не столько обвиняет продавца, сколько предупреждает покупателя о возможных рисках. Несущественная на первый взгляд разница маркирует различия ментальности испанцев и немцев, а именно установок, связанных с товарно-денежной деятельностью. Как показывает предыдущий эпизод (наряду с другими), в Германии к XVII в. не только не выветрился до конца «трудовой дух», но и не деформировалась в той степени, как в Испании, торговая традиция. Отсюда и отсутствие резко негативного образа торговцев. «Всего и не перечислишь, чего можно достичь, обладая любезными денежками, ежели только уметь *правильно их держать и расходовать*», – пишет Гриммельзгаузен [9. С. 192]. Обладание деньгами – лишь одно из условий для благополучия. Умение их копить и *рационально* тратить так же немаловажно, как и добывать. Не свойственный для испанского пикаро подход к деньгам показывает устойчивую установку в немецком сознании, связанную с таким национальным качеством, как бережливость, корни которой были заложены ещё в раннесредневековую эпоху, а закреплена протестантской предпринимательской аскезой, охарактеризованной М. Вебером.

Стремление если не преумножить, то хотя бы сохранить богатство рождает в первой половине XVII в. на территории Германии такое явление, как депозитные банки. В это время открываются такие крупные банки, как Гамбургский (в 1619 г.), Нюрнбергский (в 1621 г.) и Кельнский (в 1633 г.) [12. С. 288]. Но банки в

условиях экономического спада как тогда, так и сегодня при обслуживании вкладов обладают высокими рисками. В романе «Симплициссимус» описывается такая ситуация: главный герой доверяет свои капиталы купцу под расписку, но вернувшись через некоторое время, чтобы их обналичить, узнает, что тот разорился: «ибо купец, коему я вверил свое имение, обанкротился и утек» [9. С. 219]. Такие условия приводят к необходимости быстрой капитализации имущества. Гриммельзгаузен видит только два варианта решения, которые описывает в романе. Первое, связанное с развитием военной карьеры: «Эге, Симплиций, возведи себя во дворянство, — наwerbав из своего кошелька отряд драгун императору — вот и готов молодой господин, который со временем вознесется ещё выше!» [9. С. 192]. Возможно, автор здесь намекает на судьбу полководца Валленштейна, стремившегося к имперской короне, через приобретение чешского курфюршества, но потерпевшего крах во всех своих планах. Гриммельзгаузен отказывает своему герою в таком решении, видя его несостоятельность в переменчивом военном счастье. Устойчивый доход от вложения не гарантирован.

Второе решение связано с утверждаемой в начале романа высокой ценностью труда на земле: «Вот когда ты возмужаешь, — сказал я самому себе, — то возьмешь красивую, молодую, богатую жену, а там купишь какое ни есть дворянское поместье да и заживешь на покое. Я собирался разводить скот и честным путем получать свой большой барыш» [9. С. 183]. Гриммельзгаузен, работавший во время написания романа экономом в замке Уленбург, знал на собственном опыте, каким высоким уровнем доходности обладает правильно организованное хозяйство. Свою роль в таком выборе героя и его автора сыграла не только ориентация на бережливость и ценность труда на земле, но и объективные экономические условия, сложившиеся после окончания войны. Резко сузившийся после войны в результате больших людских потерь рынок свободных рабочих рук привел к условиям, в которых организация промышленного производства стала практически не возможной. При этом цена на зерно в Голландии продолжала оставаться достаточно высокой, хотя и прекратила свой рост. Фридрих Людге в монографии «Немецкое общество и история экономики» об окончании Тридцатилетней войны отмечал, что «в тяготах нужды немецкий народ оказался при-

ручен к той созидательной работе и ответственности, которые с этого момента принадлежат к совершенно бесспорным его добродетелям» [13. С. 388].

Как это ни парадоксально, но Тридцатилетняя война, главной движущей силой которой были военные наемники, привела к тому, что большие массы людей стали втянуты в сферу товарно-денежных отношений. Это были как ландскнехты, пытавшиеся реализовать награбленное, так и люди, связанные с обслуживанием многочисленных наемных армий. Но из-за отсутствия политики протекционизма со стороны государства, устойчивого слоя собственных производителей и купечества, а также из-за физического ограбления в результате военных действий германских городов увеличивается не собственное производство, а темпы ввоза товаров и изделий иностранного изготовления. К концу войны страна превращается почти в чистого импортера иностранной продукции [14. С. 336]. Неблагоприятная экономическая обстановка, заставлявшая мелкого торговца «идти на сделку с совестью», вынуждала крупный капитал искать иные методы решения. Старые торговые дома, такие как Гауги, Гохштеттеры, Ремы и Манлихи вывозят свои капиталы в Англию и Францию. А Фуггеры вкладывают деньги в покупку земли и превращаются в «титулованных получателей денежной ренты» [7. С. 125].

Таким образом, начавшаяся в конце XV–XVI вв. модернизация оказалась свернутой в силу комплекса взаимосвязанных причин. Однако в отличие от другой страны зоны экономической полупериферии Европы, Испании, в Германии сформировались предпосылки для дальнейшего развития в более благоприятных экономических и политических условиях [15. С. 58–60]. А именно более укрупненные, а потому и менее деформированные ценностные мотивировки, связанные с предпринимательством и торговлей. Старые установки, выработанные на протяжении Средневековья, утверждающие ценность труда, актуализируются в новых послевоенных условиях восстановления Германии. Сформированное под давлением войны стремление к бережливости, рациональным тратам средств будет способствовать новому накоплению капитала. Причем в княжествах, где политика княжеского абсолютизма после подписания Вестфальского мира получила возможность развиваться «без оглядки» на внешнеполитические авантюры имперского центра, этот процесс будет идти ускоренными темпами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
2. Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт. М., 1971.
3. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. СПб., 1999.
4. Ле Гофф Ж. Честные и бесчестные профессии на средневековом Западе // Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000.
5. Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.
6. Вебер М. Протестантская этика или дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.
7. Эпштейн А.Д. История Германии от позднего Средневековья до революции 1848 года. М., 1961.
8. Папушева О.Н. Кризис испанского общества конца XVI – пер. пол. XVII в. в свете междисциплинарного анализа ментальности пикаро (по плутовским романам): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006.
9. Гриммельзгаузен Г.Я.К. Симплициссимус. Л., 1961.
10. Алеман М. Гусман де Альфараче. М., 1963.
11. Эпинель В. Жизнь Маркоса де Обрегон // Испанский плутовской роман. М., 2000.
12. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003.
13. Lütge Fr. Deutsche Sozial und Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1966.
14. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб., 2002.
15. Раков В.М. Европейское чудо (Рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). Пермь, 1999.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 ноября 2009 г.